

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Летописные известия об Александре Поповиче

В XV веке, как и в XI, летопись входит в тесное соприкосновение с народными, устными произведениями.

Особенный интерес представляют собою в поздних русских летописях упоминания о герое русского былевого эпоса — Александре Поповиче. Летописные известия об Александре Поповиче не раз привлекались исследователями русского былевого эпоса для выяснения истории былин об Алеше Поповиче. отождествление этого летописного Александра Поповича и былинного Алеши Поповича принадлежит Л. Н. Майкову. Оно было поддержано В. Ф. Миллером и с тех пор не вызвало сомнений: вопрос этот может считаться решенным.

Все исследователи русского эпоса пользовались, однако, русскими летописями как безусловно достоверными историческими свидетельствами действительного существования Александра Поповича. Несмотря на то, что известия об Александре Поповиче встречаются исключительно в поздних списках русских летописей — в Новгородской IV, в Софийских I и II, в Воскресенской летописи, в Ростовской архивной, в Академической Суздальской, в Тверском сборнике, в Ермолинской летописи, в Типографской, в Рогожском летописце, в Хронографе 1512 г. и др., — никто из исследователей эпоса не считался с историей летописания и в упоминании об участии Александра Поповича в битве на Калке под 1224 г. видели отражение реального исторического факта, из которого впоследствии развились былины об Александре Поповиче. Костомаров, О. Миллер, Халанский, Квашнин-Самарин, Хаткевич — с оговорками, — а Вс. Миллер и другие — без оговорок — находили возможным считать доказанным историческое участие Александра Поповича в битве при Калке. „Должно признать потому, — писал Вс. Миллер, — за преданием об Александре историческую основу и думать, что сказания о нем возникли историческим путем и личность его историческая“.¹ Больше того, некритически объединяя в летописи

¹ Вс. Миллер. Исторические очерки народной словесности, т. VII. М., 1924, стр. 180—181.

наслоения различных эпох и безусловно доверяя тексту каждого летописного списка, Вс. Миллер считал исторически точными упоминания таких поздних летописей, как Никоновская, Якимовская, Тверской сборник и других, как известно, обильно пользовавшихся произведениями народной словесности. Между тем, история летописания сделала в последние десятилетия настолько большие шаги вперед, что в настоящее время имеется широкая возможность критически разобратся в различных известиях летописей об Александре Поповиче и попытаться восстановить их происхождение и историю: явились ли упоминания об Александре Поповиче отражением исторической действительности или позднейших былин? Напомним, что в литературе о летописании по поводу отражения былин в летописях имелся уже ряд важных соображений, игнорировавшихся до сих пор при изучении истории русского эпоса.¹ Обратимся к упоминаниям об участии Александра Поповича в Калкской битве.

1

Грозные события Калкской битвы получили отражение в русской книжности в современных почти им записях русских летописей. Три древнейших русских летописных списка — Новгородская первая летопись в синодальном харатейном списке XIV в.,² Лаврентьевский список 1377 г. и Ипатьевский список начала XV в. включили в свой состав подробные повести о событиях этой несчастной для русских битвы. Повести эти, несмотря на всю их важность для истории русской литературы и по значительности своего содержания и по величине того влияния, которое было ими оказано на последующую русскую историческую литературу, остались не изученными историками русской литературы. Поэтому позволю себе остановиться на них несколько подробнее.

Особенно ценен рассказ Лаврентьевской летописи, представляющий собою ростовскую обработку первоначально южнорусского известия. Напомним, одновременно, что в известиях других летописей и в некоторых былинах Александр Попович является ростовским богатырем, и поэтому естественно искать первоначальное упоминание о нем именно в ростовских летописях.

¹ Работа А. А. Шахматова „Общерусские летописные своды XIV—XV вв.“, где были высказаны эти соображения, появилась в 1901 г. (ЖМНП, 1901, кн. XI). Работа же Вс. Миллера „Исторические очерки народной словесности“ была им закончена в июле 1912 г., а напечатана в 1924 г. Выводы А. А. Шахматова Вс. Миллером не приняты во внимание.

² По определению А. И. Соболевского. По определению же П. И. Савванитова первый почерк, обнимающий древнейшие события до 1200 г., относится к самому началу XIII столетия, второй до 1234 г. — к первой половине того же столетия, третий по 1333 г. — к первой же половине XIV столетия („Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку“, СПб., 1883, стр. VI). К XIV в. складывается А. А. Шахматов („Обозрение русских летописных сводов“. М.—Л., 1933, стр. 128).

Ростовское летописание (как это устанавливается работами М. Д. Приселкова)¹ возникло при сыне Всеволода Большое Гнездо, Константине, который начал его в 1206 г. в Новгороде как личное летописание, а с 1207 г., став ростовским князем, продолжал его как летописание собственно ростовское.² После смерти Константина в 1218 г. оно продолжалось его сыновьями и непосредственно выполнялось ростовской епископской кафедрой. В статьях 1218—1239 гг. ростовское летописание пристально следит за судьбою старшего сына Константина Всеволодовича — Василька. Описание смерти Василька Константиновича под 1239 г. заканчивается похвалой ему, выдержанной в панегирическом стиле. Летописец-ростовец изображает Василька Константиновича почти святым — мучеником за веру.

Включенный в эту дошедшую до нас ростовскую летопись рассказ о Калкской битве носит явный отпечаток того же придворного летописания этого ростовского князя Василька Константиновича. В этом ростовском рассказе о Калкской битве дважды с сочувствием упоминается ростовский князь Василько. В первый раз после слов о том, что Мстислав Киевский выступил против татар со всеми прочими русскими князьями, ростовский летописец прибавил: „и послашася в Володимерь к великому князю Юргю, сыну Всеволожу, прося помочи у него, он же посла к ним благочестивого князя Василька сынсва своего Костянтиновича с Ростовци, и не утяну Василко прити к ним в Русь“.³ Вторично упомянул Василька Константиновича ростовский летописец после описания страшного поражения русских, заключив его бестактным выражением радости по поводу возвращения в Ростов Василька, не успевшего принять участие в битве: „се же слышав Василко приключъшееся в Руси, возвратися от Чернигова схранен богомь и силою креста честного и молитвою отца своего Костянтина и стрья своего Георгия. И вниде в свои Ростов, славя бога и святую богородицу“.⁴ Вторично необычайную радость высказывает летописец-ростовец после рассказа о страшном разгроме Владимирско-суздальской земли — в перечислении оставшихся в живых русских князей: „сдея господь спасение велико князем нашим, избавил есть от врагов наших...“ и т. д.⁵

На основании вышеизложенного можно думать, что рассказ о Калкской битве, ныне читаемый в Лаврентьевской летописи, принадлежит официальной ростовской летописи.

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 87 и сл. Ср. также специальное исследование М. Д. Приселкова о Лаврентьевской летописи в „Ученых записках Ленинградского Гос. университета“. Серия историческая, вып. 2, Л., 1939.

² Ср. записи 1206, 1207, 1209, 1210, 1211, 1212, 1213, 1214, 1215, 1216, 1217 и 1218 гг.

³ Лаврентьевская летопись, вып. 2, изд. 1927 г., стр. 446

⁴ Там же, стр. 447.

⁵ Там же, стр. 469.

Однако составитель ростовской летописи XIII в. не сам составил повесть о Калкской битве, а лишь обработал ее, упомянув о Васильке и основательно сократив. В руках у ее составителя была Владимирская великокняжеская летопись 1228 г. В ней уже имелось описание Калкской битвы, более подробное, чем то, которое сохранилось сейчас в Лаврентьевском списке. Как можно думать сейчас, принимая во внимание общую историю владимирско-суздальского летописания, рассказ о Калкской битве был включен во владимирский свод 1228 г. из Летописца Переяславля Южного (или Русского). К этому летописанию, как известно,¹ восходили все южнорусские известия Владимирского великокняжеского летописания (в 1177 г. во Владимире был использован епископский летописец Переяславля Русского, в 1193 г. — княжеский летописец Переяславля Русского; в 1212 г. был вновь привлечен к составлению владимирского свода княжеский летописец Переяславля Русского; наконец, в 1228 г. были в четвертый раз использованы летописные источники Переяславля Русского). В числе этих южных переяславских летописных известий, перенесенных во Владимирский свод 1228 г., читалась и известная повесть о Калкской битве, составленная, следовательно, между 1223 и 1228 гг. — сразу же после событий на Калке.

Эта повесть, перенесенная вместе с рядом других южнорусских известий из Переяславского летописания в состав Владимирского великокняжеского свода 1228 г., через десять лет подверглась сокращению и незначительным дополнениям при включении в ростовскую летопись. В этом исправленном ростовским летописцем виде повесть о Калкской битве читается теперь в составе Лаврентьевской летописи.

Таким образом, в Лаврентьевской летописи за годы 1207—1239 идут ростовские летописные записи, несущие в себе типические черты ростовского летописания, и под 1224 г. ростовская версия повести о Калкской битве.

И вот, вопреки утверждениям историков былевого эпоса, что первые известия об Александре Поповиче должны были сохраниться именно в ростовском летописании (Александр Попович — ростовец), никаких упоминаний в этой древнейшей ростовской летописи о ростовском „храбре“ Александре Поповиче — нет. Наоборот, бестактный восторг летописца вызывает именно отсутствие ростовцев в этой битве.

Впоследствии ростовское летописание неоднократно привлекалось при составлении московских общерусских сводов XV в. Ростовское летописание усвоили свод Киприана, Владимирский Полихрон Фотия и др. Те ростовские летописи, которые были использованы в позднейших общерусских летописных сводах XV и XVI вв., дают самые ничтожные

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 64 и сл.

по размерам записи, главным образом, о смерти или вступлении на кафедру ростовских епископов. Епископский летописец Ростова, использованный в своде Киприана, повидимому начинал свои записи только с XIV в. Можно поэтому думать, что в XV в. в Ростове не было никаких летописных записей от XIII в. Это подтверждается тем, что ростовские летописи XV и XVI вв. для изложения событий русской истории до XIV в. обычно пользовались общерусскими московскими сводами XV и XVI вв.¹

Можно считать, что ростовское летописание в достаточной мере изучено в настоящее время (изучен ростовский свод XV в., отразившийся в составе Ермолинской, Уваровского списка XVI в. № 188, Кириллобелозерского списка XVII в. № 454, хранящегося в архиве Археографической комиссии; изучена Тихоновская редакция Ростовского владычного свода, отразившегося в Типографской летописи, в летописи Толстовского собрания Публичной библиотеки в Ленинграде F. IV, № 218 и др.).

Никаких упоминаний в нем Александра Поповича не встречается и предполагать наличие в XV в. каких-то недошедших до нас ростовских летописных записей XIII в. — нет оснований. Нет оснований потому, что ростовское летописание, отразившись в XV в. в известии о Калкской битве, неизбежно дало бы себя знать и в других известиях летописей XV в., а этого нет. Во-вторых, нет оснований предполагать наличие особого не сохранившегося ростовского летописания XIII в. еще и потому, что ростовское летописание XIII в. в своей официальной версии как раз дошло до нас (как это выяснено выше, — в Лаврентьевской летописи). Летописание же в XIII в., как и в XII, и в XIV, и в XV вв., было только официальным и не могло, в качестве такового, дублироваться (два возможных центра официального ростовского летописания — двор епископа и двор князя — оба представлены в той ростовской летописи, которая вошла в состав Лаврентьевской).

Таким образом, рушится основное утверждение исследователей истории русского эпоса (в частности Вс. Миллера), что упоминание Александра Поповича как героя Калкской битвы, имеющееся в летописных списках XV и XVI вв., восходит к записям ростовской летописи, современным событиям. Как раз ростовская летопись их и не имеет.

---

¹ Так, например, Тихоновская редакция Ростовского владычного свода, доведенная до 1484 г. и отразившаяся в Типографской летописи и в Толстовской I № 191 Публичной библиотеки в Ленинграде, использовала в известиях XIII в. Московский великокняжеский свод в редакции 1479 г. и дополнительный свод, близкий к Лаврентьевской. Многие известия явно ростовского происхождения оказываются заимствованными из этого последнего источника (см.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 150 и предш.).

Труднее установить происхождение рассказа о Калкской битве, имеющегося в Синодальном списке Новгородской первой летописи. Синодальный список Новгородской первой летописи за первую половину XIII в. крайне небогат известиями, выходящими за пределы узко новгородских. Тем поразительнее полное тождество в нем рассказа о Калкской битве в первой своей части (в которой делаются различные предположения о происхождении татар) с рассказом Лаврентьевской летописи. Однако следы ростовской обработки рассказа о Калкской битве (напр. известия о судьбе ростовского князя Василька Константиновича), наличествующие в Лаврентьевской летописи, здесь в Синодальном списке Новгородской первой летописи отсутствуют. Следовательно рассказ о Калкской битве включен в состав Новгородской летописи не из ростовской летописи.

Вместе с тем в соседних статьях Новгородской первой летописи в Синодальном списке отсутствуют полностью какие бы то ни было владимирско-суздальские известия, и это делает весьма маловероятным предположение, что рассказ о Калкской битве включен в нее из какой-то владимирской великокняжеской летописи.

Однако в составе Новгородской первой летописи по Синодальному списку встречаются южнорусские и рязанские известия.¹ Эти южнорусские известия близки к соответствующим известиям Лаврентьевской летописи, и это делает весьма вероятным предположение, что рассказ Синодального списка Новгородской первой летописи заимствован из того же южнорусского источника, из которого черпал свои южнорусские известия и владимирский летописец, т. е. из летописи Переяслава Русского. Это заимствование могло быть непосредственным либо опосредствованным какой-нибудь обработкой летописца Переяслава Русского — например Рязанской (существование такой рязанской обработки южнорусских известий подтверждается некоторыми летописными статьями Синодального списка; в существо этого вопроса в данной работе не входим).² Как бы, однако, ни рассматривать вопрос о происхождении статьи о Калкской битве в Новгородской первой летописи, — перед нами несомненно рассказ гораздо более полный и лучше сохранившийся, чем подвергшийся значительному сокращению в Ростове рассказ Лаврентьевской летописи. В Новгородской первой летописи по Синодальному списку мы имеем,

¹ Ср. известия под 1209, 1218, 1299 гг.

² Вопрос о рязанской летописи подробно изучался покойным В. Л. Комаровичем. В частной беседе В. Л. Комарович говорил мне о том, что все те известия, которые по мнению А. А. Шахматова восходят в Синодальном списке к Владимирскому Полихрону XIV в., на самом деле являются рязанскими. Действительно, под 1210 г. рассказывается о походе Всеволода Большое Гнездо на Рязань (в Лаврентьевской под 1207 г.), под 1218 г. — о убийении Глебом и Константином рязанскими своих братьев (в Лаврентьевской под 1217 г.). Остальные касались Рязани: 1224 г. — Калкская битва, 1230 г. — землетрясение, 1236 г. — пленение татарами Болгарской земли.

следовательно, наиболее полную и точную передачу впечатлений южно-русского летописца, работавшего между 1223 и 1228 гг., от катастрофических событий битвы на Калке.

Следует особенно подчеркнуть, что этот рассказ о Калкской битве отразил общенародные, ходячие представления того времени о надвинувшейся на Русь катастрофе. Рассказ этот пришелся по вкусу в различных областях Руси в тот период, когда, казалось бы, летописание каждой русской области развивалось уже вполне обособленно, когда книжные связи между отдельными княжествами были прерваны, и каждая область замыкалась в местных интересах. Народный интерес к этому рассказу о Калкской битве выразился не только в том, что статья эта попала в летописание четырех русских княжеств и областей (Переяславля Русского, Владимира, Ростова и Новгорода), но и в том еще, что в виде каких-то ходячих, очевидно устных, отголосков она достигла и летописей западноевропейских. Цезарий Гейстербахский в 47-й главе X книги своей хроники пишет о Калкской битве в форме, более или менее сходной с формой русских летописей: „В прошедшем году еще какой-то народ вошел во владения Руссов и истребил там весь народ унский: нам неизвестно, что это за народ, откуда идет и куда стремится“¹ — ср. в Новгородской первой по Синодальному списку: „Том же лете, по грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изыдоша, и что язык их, и котораго племене суть, и что вера их ...“. „Бог един весть, кто суть и отколе изыдоша ... мы же их не ведем, кто суть ...“ „... и не съведаем откуду суть пришли, и где ся деша опять; бог весть, отколе приде на нас, за грехы наша“.²

Итак, Синодальный список Новгородской первой летописи сохранил в наиболее полном виде популярный южнорусский рассказ о Калкской битве, составленный почти сразу же после поражения русских в период между 1223 и 1228 гг. Но и в этом наиболее полном рассказе, составленном современником битвы на Калке, известие о гибели Александра Поповича также отсутствует.

3

Один из самых обстоятельных рассказов о Калкской битве, чрезвычайно ценный своею точностью, заключен в Ипатьевском списке XIV в. Рассказ этот составлен участником битвы, что доказывается словами: „вся нам [разрядка моя. — Д. Л.] по суху же Днепр перешедшим“.³ Рассказ о Калкской битве внесен в Ипатьевский список в составе свода Юрия Львовича Галицкого начала XIV в. В свод Юрия Львовича этот рассказ оказался внесенным из Галицкой летописи. Соответственно

¹ „Quaedam etiam gens anno praeterito intravit regna Ruthenorum et totam ibidem gentem Unam delevit: de qua nobis constat, quae sit, unde veniat, vel quo tendat“. Ученые записки Академии Наук по I и III отд., т. II, 1854, стр. 760.

² Цитирую Син. сп. Новгородской первой летописи по изд. 1888 г.

³ Цитирую по изданию 3—1929 г.

своему галицкому происхождению, рассказ о Калкской битве отмечает участие в битве галицкого князя Даниила.

Однако свод Юрия Львовича Галицкого, легший в основание Ипатьевской летописи, привлек в свой состав какой-то из ростово-суздальских сводов XIII в.¹ Отсюда могло явиться упоминание в рассказе о Калкской битве Василька Константиновича, к которому, как мы видели выше, был особенно внимателен ростовский летописец. Это упоминание сделано в такой форме, которая явно свидетельствует о своем вставном характере; после известия о совете в Киеве русских князей и о крещении половецкого князя Басты идут слова: „Василька же не бе, бе бо в Володимере млад“. Упоминание об отсутствии Василька становится понятным только в связи с известием ростовской летописи о том, что князь Юрий Всеволодович послал Мстиславу Василька, который, однако, не успел прибыть во время и вернулся обратно в Ростов „славя бога и святую богородицю“.²

Подчеркиваю, что и в этом рассказе о Калкской битве, составленном очевидцем и отразившем на себе влияние ростовской летописи, каких-либо упоминаний о ростовском герое Александре Поповиче — также нет.

Наконец, после введения А. А. Шахматовым в научный оборот так называемой Симеоновской летописи, можно с достоверностью утверждать отсутствие упоминаний об Александре Поповиче и в московской летописи вплоть до начала XV в. В пределах от 1177 по 1390 г. Симеоновская летопись, как это убедительно показано А. А. Шахматовым, целиком совпадает с текстом сгоревшей Троицкой летописи, представлявшей собой почти точную копию Московского свода митрополита Киприана (по М. Д. Приселкову — 1408 г., по моим соображениям — 1409 г.). Нет оснований утверждать, что Московский свод Киприана сокращал предшествующее ему летописание; тем самым отсутствие упоминаний об Александре Поповиче в основном русле русского летописания вплоть до начала XV в. становится достоверным фактом.

Отметим, кроме того, что и самое реальное участие ростовских „храбров“ в Калкской битве исторически мало вероятно, так как известно, что ростовский князь Василько Константинович с дружиной прибыть к месту сбора русских войск перед Калкской битвой опоздал и вернулся назад в Ростов.

4

Итак, три древнейших списка русских летописей — Лаврентьевская, Новгородская первая по Синодальному списку и Ипатьевская, — оставив-

¹ См. об этом: М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белорусии. Ученые записки Ленинградского Государственного университета, Серия исторических наук, вып. 7, Л., 1941, стр. 16; он же. „История русского летописания XI—XV вв.“. Л., 1940, стр. 47 и др.

² Лавр. лет., вып. 2, изд. 1927 г., стр. 447.

шие нам полные и современные описания Калкской битвы (при этом одна из них в ростовской обработке, а другая — со следами влияния ростовской летописи), а затем и основное русло русского летописания — московское — во всех сводах вплоть до XV в. не сохранили нам никаких упоминаний ростовского „храбра“ Александра Поповича, как участника битвы на Калке.

Никаких других описаний Калкской битвы в позднейших сводах (XV и XVI вв.), которые могли бы восходить к XIII в., не сохранилось, и предполагать их нет оснований, так как новый летописный источник, если бы отразился в рассказе о Калкской битве, неизбежно должен был бы дать себя почувствовать и в других частях летописи.

Таким образом, обозрение летописных известий о Калкской битве, восходящих к XIII в., приводит к убеждению, что упоминание гибели Александра Поповича и его 70 „храбрых“ в битве на Калке не может восходить ни к ростовским записям XIII в., ни к каким-либо вообще современным записям XIII в. Следовательно рушится предположение Н. Дашкевича, безоговорочно вошедшее затем как одно из основных положений истории русского героического эпоса: „Александр, как Ростовец, был особенно дорог своим землякам, и упоминание о нем могло войти раньше всего в Ростовскую летопись“.¹

Однако, как было уже упомянуто выше, позднейшие общерусские летописные своды XV и XVI вв. имеют краткую вставку о гибели в Калкской битве Александра Поповича и 70 русских „храбров“.² Откуда могло появиться это сообщение? Время появления его неоспоримо установлено А. А. Шахматовым: вставка о гибели „храбров“ была первоначально сделана во Владимирский полихрон Фотия 1423 г. (по М. Д. Приселкову — 1418 г.), откуда перешла в Хронограф 1442 г., с одной стороны, и в „свод 1448 г.“ (т. е. в Новгородско-софийский свод 30-х годов XV в.), — с другой. Из последнего эта вставка перешла в большинство летописей второй половины XV и XVI вв.

Следует обратить внимание на то, что пространное описание Калкской битвы, встречаемое в летописях, вышедших из Владимирского полихрона Фотия, является компиляцией тех, в основном, двух описаний Калкской битвы (Переяславля Русского и Галицкого), которые дошли до нас в составе Синодального списка Новгородской первой летописи, Лаврентьевской и Ипатьевской. Никаких новых данных о Калкской битве за исключением краткого упоминания о гибели „храбрых“, в этих поздних общерусских летописных сводах нет.

Самая вставка о гибели Александра Поповича и его „храбрых“ несколько варьируется в летописях. Так, например, несколько колеблется

¹ Н. Дашкевич. Былины об Алеше Поповиче и о кончине богатырей. Киевск. университетские известия, 1883, № 3, стр. 169. См.: В. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II, 1910, стр. 32 и сл.; т. III, 1924, стр. 76 и сл.

² А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. ЖМНП. 1901, кн. XI, стр. 73 и сл.

число погибших с Александром Поповичем „храбрых“ — 70, 72 и 10. Колебание это не свидетельствует о каких-либо новых данных у летописцев, а исключительно зависит от их собственных домыслов. Так, например, в Софийской I сообщается о том, что Александр Попович был убит с 10 „храбрами“. Объясняется это тем, что летописец не понял сообщения предшествующей летописи: „А иного воя кождо десятии прииде“, встретившегося ему после известия об убийстве 6 русских князей („Мьстислава Яневьскаго, Изяслава Инговерьскаго, Святослава Шумьскаго, Мьстислава Черниговьскаго с сыном, Юрья Несвежескаго“). Решив, что перед ним известие о гибели 6 русских богатырей, каждого из которых сопровождало 10 „храбров“, летописец вычел из общего числа семидесяти храбров этих 60 „храбров“, сопровождавших, по его мнению, князей, и оставшееся количество (десять) отвел на долю Александра Поповича (такого рода вычисления обычны в русской летописи; особенно части хронологические вычисления¹).

В Никоновской летописи, помимо гибели Александра Поповича и его 70 „храбров“, упоминается еще и гибель слуги Александра Поповича — Торопа и Добрыни Рязанича..., Златого Пояса.² Надо думать, что эта прибавка сделана не составителем Никоновской летописи, а несколько раньше в XVI в., так как именно этих богатырей учитывает, очевидно, Тверской сборник, упоминая в предисловии к летописной статье 1237 г. о гибели Александра Поповича и его 72 храбрых (к вопросу о слуге Александра Поповича Торопе и Добрыне Рязаниче Златом Поясе мы еще вернемся). Итак, вставку о гибели богатырей в рассказ Владимирского Полихрона Фотия 1418 или 1423 г. можно без особых натяжек предполагать сделанной в следующей форме: „И Олександр Поповичь ту же убиен бысть с иними семидесять храбрых“. Все остальные отклонения от этого известия можно считать позднейшими.

На основании каких данных была сделана в Полихроне Фотия вставка о гибели на Калке Александра Поповича и иных 70 храбрых? Ответ на этот вопрос кроется, как нам кажется, в самом характере летописного свода Фотия.

Владимирский Полихрон Фотия был по существу первым настоящим общерусским сводом, стремившимся возможно шире охватить события русской истории и, вместе с тем, установить на них не узко областную точку зрения, а общерусскую, связанную с сочувствием демократическим слоям населения Руси. Составитель Владимирского Полихрона Фотия не хотел упустить ничего из того исторического материала, который

¹ А. А. Шахматов. Хронология древнейших русских летописных сводов. ЖМНП, 1897, кн. 4, и др.

² Прозвище „Золотой Пояс“ (Добрыни, Тимони) до сих пор не подвергалось объяснению. В связи с этим интересно сведение о „золотых поясах“, приводимое А. И. Никитским: „знатнейшие русские купцы в немецких известиях являются под названием „золотых поясов“ (История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 95).

можно было найти в первой половине XV в. по городам и монастырям Руси.

В свод Фотия, помимо областных летописей, уже имевшихся к тому времени в Москве, были привлечены также и памятники внелетописного происхождения: повести, сказания, жития, грамоты, послания, юридические акты, Русская Правда, церковно-законодательные памятники и т. д. Для Владимирского Полихрона Фотия был составлен перечень иерархов русской церкви (см. список иерархов в Новгородской четвертой, оканчивавшийся Фотием, и Комиссионный список Новгородской первой, окончившийся Герасимом; в осложненном виде перешел в Симеоновскую и Никонскую). Для Владимирского же Полихрона был составлен список русских городов дальних и ближних (сохранился в Новгородской четвертой и при Комиссионном списке Новгородской первой; перешел в Воскресенскую и Никонскую). Здесь же во Владимирском Полихроне читался перечень епископий и родословия московских великих князей. „Быть может, Полихрон не ограничивался родословием одних московских великих князей, — писал А. А. Шахматов, — а давал также сведения о других русских князьях: Смоленских (ср. краткий перечень их в Воскресенской летописи, VII, 239), Рязанских (ср. там же, VII, 241), Тверских (там же, VII, 245), Литовских (там же, VII, 253), Суздальских (ср. краткий перечень их в Комиссионном списке Новгородской первой, 437) и др.“¹

Весь этот материал знаменовал собою отказ от узко-московской точки зрения на события русской истории, доминировавшей в предшествующих московских летописных сводах.

Все обидные для самолюбия суздальцев, тверичей, новгородцев и других места были во Владимирском Полихроне тщательно уничтожены. Из состава московской летописи „опускается, с одной стороны, не мало известий семейного характера княжеского московского дома, а, с другой стороны, все те случаи московского толкования хода борьбы Москвы с соперничающими с нею центрами, что так охотно и упорно сохранял сводчик 1408 г. (свода Киприана. — Д. Л.). Для примера достаточно будет сослаться на запись в своде 1418 г. (под 1355 г.) о смерти суздальского князя Константина Васильевича, где выразительно добавлено против свода 1408 г.: «честно боронив свою отчину от сильнее себя князей», под которыми разумелись, конечно, московские Даниловичи; равно как и на запись о вступлении на владимирское великое княжение Дмитрия Константиновича суздальского (под 6868 г.): «Ходир царь дал великое княжение Дмитрею суждальскому, а князем русским комуждо отчину свою», т. е. здесь опущены ядовитые слова свода 1408 г.: «а не по отчине, а не по дедине»“.² Бесстрастно изображается во Владимирском Полихроне и московско-тверская борьба за великое княжение в начале XIV в. Не ограничиваясь этим удалением следов московского пристрастия

¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. ЖМНП, 1901, кн. XI, стр. 62.

² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 146.

предшествующих сводов, Владимирский Полихрон Фотия подчеркивает значение демократических слоев населения. Характерна в этом отношении переделка, которой подвергся в нем рассказ об осаде Москвы Тохтамышем (1382 г.). В отличие от рассказа предшествующего свода Киприана, здесь в своде Фотия инициатива в обороне родного города, его доблестная защита принадлежит самим горожанам.

Вот в связи с этим желанием составителя Владимирского Полихрона Фотия исчерпывающе охватить данные русской истории, привлечь областные материалы, подчеркнуть значение народных масс в обороне родины летописец и решил, по нашему мнению, включить в рассказ о Калкской битве сведения о русских богатырях, на основании каких-то народных эпических сказаний или песен о них. Однако, критически относясь к народным сказаниям как к историческому источнику, он не привел из них никаких новых данных о Калкской битве, сохранив лишь имена погибших, сообщив их после перечисления погибших на Калке русских князей. Иного объяснения этой вставки мы не видим.

Составитель Владимирского Полихрона включил в рассказ о битве на Калке упоминание о местном ростовском богатыре Александре Поповиче, подобно тому, как он включал в свой летописный свод местные летописные записи. Однако составитель Полихрона Фотия включил Александра Поповича в состав своего свода как общерусского героя, а не ростовского. В битве при Калке Александр Попович принимал участие как герой общерусский, и именно это обстоятельство делало настоятельно необходимым внесение упоминания о нем в первый по существу общерусский же летописный свод, пропагандировавший идею общерусского единства.

Таким образом, составитель Владимирского Полихрона Фотия знал Александра Поповича уже как общерусского „храбра“, погибшего вместе с остальными русскими „храбрами“ в битве на Калке. Однако в том же XV в., а возможно и раньше, существовали какие-то народные произведения, где Александр Попович выступал еще как „храбр“ ростовский. Свидетельства существования таких преданий или песен сохранились в поздних русских летописях XVI в.

Существование этих народных преданий об Александре Поповиче как нельзя лучше подтверждает и высказанную выше мысль о том, что известие о гибели Александра Поповича в битве на Калке восходит не к современной битве летописным записям, а к тем же народным преданиям.

Анализируя произведения народной словесности, отразившиеся в составе Полихрона Фотия, А. А. Шахматов считает возможным относить к нему не только бесспорно читавшееся в нем известие об участии „храбров“ в Калкской битве, но и все былинные известия, читающиеся ныне в Тверском сборнике и в Никоновской летописи.¹ Правда, это отнесение

¹ См.: „Общерусские летописные своды XIV и XV вв. ЖМНП, 1901, № 11-стр. 73-77.

всех известий, проникших в летопись из фольклора, к Владимирскому Полихрону Фотия, который их якобы впервые соединил в своем составе, сделано А. А. Шахматовым предположительно, без приведения особых доказательств. Однако все же А. А. Шахматов уделяет этому вопросу большое внимание и придает ему серьезное значение в характеристике Полихрона Фотия.

Не можем не видеть, однако, ошибочности такого отнесения всех поздних летописных эпических упоминаний к Полихрону Фотия, как их первоисточнику. В самом деле, ограничиваясь пока-что только летописными известиями об Александре Поповиче, отметим их разноречивость, которая указывает на то, что в летописях отразились различные, разновременные произведения. Александр Попович то участник Липицкой битвы как сторонник ростовского князя Константина Всеволодовича, то участник Калкской битвы на службе у киевского князя Мстислава Романовича, то борется с Володарем и половцами при Мономахе, то выступает совместно с богатырем Владимира I Святославича — Яном Усмошвецом против половцев.

Ясно, что один и тот же летописец, будь это составитель Полихрона Фотия или кто-либо другой, не мог включить в свой свод столь разноречивые известия об одном и том же лице, жизнь которого относится то к XI в., то к XIII в. К тому же, самое именование Александра Поповича „богатырем“ в Никоновской летописи более позднее, сравнительно с именованием его „храбром“ в Тверском сборнике и в Полихроне Фотия. Остается предположить, что разные летописцы в разное время отразили в своих сводах различные произведения об одном и том же герое русского былевого эпоса — Александре Поповиче.

Попробуем рассмотреть эти летописные известия с точки зрения их содержания.

В Тверской летописи 1534 г., иначе называемой Тверским сборником, в текст повести о Калкской битве, в целом восходящей к Софийской первой летописи, вставлен подробный рассказ о подвигах ростовского „храбра“ Александра Поповича. Изложив в Повести о Калкской битве обычные в начале ее рассуждения о зловещем появлении неведомого народа (до слов: „бог же весть един, кто суть и отколе изыидоша, премудрии мужи ведят я добре, кто книги разумет; мы же их не вемы кто суть, но зде написахом о них памяти ради русских князь и беды яже бысть от них“), летописец внес от себя небольшое рассуждение о причинах поражения русских. Рассуждение это замечательно своею антикняжескою точкою зрения на грозные события Калкского побоища: „но не сих же ради сие случися, но гордости ради и величания Руских князь попусти бог сему быти. Беша бо князи храбры мнози, и високоумны, и мнящися своею храбростию съделовающе; имеяхут же и дружину многу и храбру, и тою величающися...“¹ В подтверждение этого своего со-

¹ Здесь и ниже цитирую Тверской сборник по изданию 1863 г.

ображения летописец берется привести соответствующий рассказ: „... от них же о едином въспомянем зде, описаниа налезше“. Далее летописец приводит это „описание“, и в дальнейшем, как это мы увидим ниже, еще раз подтверждает фактами изложенную выше мысль о гордости и „высокоумии“ русских князей, опираясь при этом уже на чисто устный источник („глаголют бо“). Таким образом, письменный источник („описание“) дополняется затем устным („глаголют бо“), но оба — и письменный, и устный — отличаются цельностью точки зрения и сюжетной связностью рассказа: устный источник как бы продолжает рассказ письменного.

„Бе некто от Ростовских житель Александръ, глаголемый Поповичъ, и слуга бе у него именемъ Торопъ...“¹ так начинается „описание“, явно определяя тем главного героя своего повествования — ростовского „жителя“ Александра Поповича. Повествование „описания“ не отличается детальностью. Александр служил первоначально великому князю Всеволоду Юрьевичу („Большое Гнездо“). Когда же Всеволод Юрьевич отдал Ростов своему сыну князю Константину, Александр стал служить последнему в Ростове.

На службе у Константина Александр Попович совершает ряд богатырских подвигов, защищая свой родной город Ростов — не от общерусских врагов, а от посяганий соседних князей. Эти подвиги Александра Поповича рисуются в „описании“ на исторической канве того времени в узко местных чертах ростовского патриотизма.

Перед смертью своего отца Всеволода Константин не захотел уехать из Ростова во Владимир, „но у пречистиа Ростовския и чудотворцевъ излюбы жити“ и задумал перенести „стол великого княжения“ из Владимира в Ростов „и прошаше Володимера к Ростову, а не Ростова к Володимерю“. Дорожа первенством Владимира, Всеволод дал великое княжение не старшему сыну Константину, желавшему перенести великое княжение в Ростов, а младшему — Юрию. Эта распоряжение Всеволода явилось причиной вражды между братьями после его смерти. „Описание“ рассказывает, что Юрий „воздвиг“ на своего брата Константина „многие брани“, намереваясь согнать его и из Ростова. Уже из этого приступа к описанию подвигов Александра Поповича чувствуется резко проведенная ростовская точка зрения на историю борьбы за наследие Всеволода.

Дальнейший рассказ о подвигах Александра Поповича включает в себя четыре эпизода.

Когда Юрий подошел к Ростову с ратю, Константин отошел к Костроме „и тоа съжже“; князь Юрий стал под Ростовом в Пужбале, войско же Юрия стало за две версты от Ростова по реке Ишне. В отсутствие Константина и ростовской дружины Александр Попович обороняет род-

¹ Имя Торопа сохранилось в позднейших записях былин как слуги Алеши Поповича (Былины стар. и нов. записи, I, стр. 60) и Добрыни (см.: В. Миллер. К былинам о Каласком побоище, стр. 28).

ной город. „Александр же, выходя, многы люди великого князя Юриа избиваше, ихже костей накладены могыли великы и доньне на реце Ишне, а инии по ону страну реки Усии, много бо людей бяше с великим княземь Юриемь; а инии побieni от Александра же под Угодичами, на Узе, те бо храбрии выскочивше на кою либо страну обороняху град Ростов молитвами пречистыа“. Под „храбрыми“, „описание“ очевидно разумеет Александра Поповича и слугу его Торопа. Дружину „описание“ не упоминает; очевидно Александр Попович один со своим слугою обороняет Ростов, лично сам совершая какие-то богатырские подвиги, свидетельством чего „и до ныне“ стоят великие могилы, полно наложенные костыми врагов.

После этого Юрий „многожды“ приходил к Ростову на „братне достояние“, но каждый раз с позором возвращался назад. Однажды Константин вышел из Ростова против Юрия, и был бой „за Юриевым на реце Гзе“. Ростовцы во главе с Константином снова победили, молитвами пречистыа, своею правдою и теми же храбрыми — Александром с слугою Торопом; ту же бе и Тимоня Золотой пояс“. В стане Юрия также был свой „храбрый“ — Юрята.

Можно предполагать, что между Александром Поповичем и Юрятой произошел поединок, так как Юрята был убит в битве к великой печали Юрия, который затем не мог простить этого Александру Поповичу, хотя и примирился после своего поражения с братом Константином.

Затем „описание“ переходит к рассказу о третьем по счету подвиге Александра Поповича. „Потом прииде“, — рассказывается в „описаний“, — на Ярослава Переяславского Мстислав Мстиславич, тесть его, и иные князья вместе с Константином Всеволодовичем. За Ярослава вступился брат его Юрий. Произошла битва (на Липице). Полки великого князя Юрия были разбиты, убит был и сам „храбрый и безумный боярин Ратибор“, похвалявшийся закидать противников седлами. Затем следует краткое описание последующих событий.

Как показывает сличение летописного рассказа о Липицкой битве под 1216 г. и „описания“ (под 1224 г.), последнее значительно сокращает летописный рассказ, о многом говоря как об общеизвестных фактах. Однако одновременно „описание“ сообщает и некоторые новые данные, отсутствующие в летописном рассказе 1216 г. Так, например, боярин, выступавший на пиру у Юрия за продолжение борьбы, назван Ратибором, тогда как боярин, выступивший за заключение мира, носит имя Творимира; их именам придан, таким образом, назидательный, символический смысл.

Четвертый эпизод рассказывает об отъезде „храбрых“ из Ростова на службу к киевскому князю. В 1218 г. Константин Всеволодович умер, и великое княжение отошло к Юрию. Опасаясь мщениа Юрия за убийство любимого „храбра“ последнего — Юряты, боярина Ратибора „и инех мнозех от дружины“ Юрия, Александр Попович посылает своего слугу в различные русские княжества и созывает к себе в город на

совет всех „храбрых“. Город этот (замок Александра Поповича) был „обрыв“ над Гремячим колодцем на реке Где, — „иже и ныне той соп стоит пуст“. Съехавшиеся „храбры“ совещаются между собою. Если им оставаться служить по разным княжениям, то быть им перебитыми, так как у князей на Руси „велико неустроение и части боеве“. „Храбрые“ условливаются („кладут ряд“) ехать служить единому общерусскому князю — в „мать городам русским“ — Киев. В Киеве, рассказывает „описание“, княжил в это время великий князь „Мьстиславъ храбрый Романовичъ Смоленского“. „Храбрые“ били челом киевскому князю. Поступившими к нему на службу русскими „храбрами“ Мстислав Романович „велми гордяшеса и хваляшеса“. Здесь летописец заключает свое заимствование из „описания“ следующими словами: „донележе сна злоба о ней же повесть предлежит“.

Затем летописец возобновляет заимствование из Софийской первой летописи, причем в своем месте упоминает о гибели Александра Поповича „с инеми седмьдесятию храбрых“, как это было принято в летописях, восходящих к Владимирскому Полихрону Фотия. Однако в конце повествования после слов: „единъ бог вестъ откуда приведе за грехы наша“, составитель Тверского сборника вновь отступает от традиционного летописного рассказа о Калкской битве, вспоминая свое утверждение о том, что поражение на Калке явилось следствием похвальбы и гордости великого князя киевского Мстислава Романовича. Очевидно, что летописец возвращается вновь к своему „описанию“: „и за похвалу и гордость великого князя Мьстислава Романовича. Глаголють бо яко прииде слух про сих татар, яко многы земли пленуют, а приближаются Руским странам, исповедаша ему [т. е. Мстиславу] о них; он же отрече: «дондеже есмь на Киеве, то по Яико, и по Понтийское море, и по реку Дунай сабле не махивати»“. Можно предполагать, что бахвальство Мстислава, как это видно и из предшествующего „описания“, объяснялось уверенностью его в могуществе своей дружины „храбрых“ во главе с Александром Поповичем.

Откуда взял составитель Тверского сборника свое „описание“ — внесено ли оно им впервые в летопись, или уже читалось и до него в составе летописных сборников, легших в основание Тверской летописи 1534 г.? А. А. Шахматов предполагает,¹ что „описание“ занесено в летопись составителем Владимирского Полихрона Фотия, но впоследствии было сокращено во всех летописях, восходящих к Полихрону, кроме Тверского сборника. Против этого говорит то, что часть „описания“ в Тверском сборнике читается в полном виде, а часть в обычном сокращении („и Александр Попович ту убиен бысть с инеми седмьдесятию храбрых“), что предполагало бы двойное использование в Тверском сборнике Владимирского Полихрона Фотия — в традиционно-сокращенном виде и в полном, нигде более не сохранившемся;

¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. ЖМНП, 1901, кн. XI, стр. 74.

но это противоречит истории создания Тверского сборника в том ее виде, как она воссоздана самим же А. А. Шахматовым.

„Описание“ в своем полном виде, очевидно, также рассказывало о гибели Александра Поповича и его „храбрых“ при реке Калке. Заключаем об этом из предисловия к рассказу 1237 г., явно принадлежащего составителю Тверского сборника: „О пленении Рускыа земля от Батия“. Автор этого предисловия дважды упоминает о гибели на Калке Александра Поповича и 72 „храбрых“, причем в первом случае в такой форме, как будто бы история этой гибели была изложена выше: „на восточней стране“ стало известно о гибели русских князей и „храбрых“ в Калкской битве: „и побеждение Рускых князей прослу, и храбрых оных 72 избиение ведомо тамо бысть...“. Несколько ниже снова говорится о гибели на Калке 72 „храбрых“: „но Киевстии людие на Калках с великим княземь Мьстиславом Роман[ов]ичом, и с иними 10-ю князи и с 72-ю храбрыми костию тамо падоша“. Это число павших „храбрых“ — 72 — явно расходится с общераспространенным известием летописных сводов, восходящих к Владимирскому Полихрону Фотия, где указано помимо Александра Поповича всего лишь 70. Ясно, что „описание“ говорило о гибели в Калкской битве не одного ростовского богатыря (как во Владимирском Полихроне), а двух — Александра Поповича и Тимони Золотого Пояса, неоднократно упоминавшихся перед тем в „описании“. Составитель предисловия явно имел в виду текст „описания“, а не текст обычного известия сводов, восходящих к Владимирскому Полихрону. Отсюда делаем вывод, что в тексте „описания“ имелось указание на иное число храбрых, чем во Владимирском Полихроне и следовательно известие Владимирского Полихрона Фотия не могло опираться на текст „описания“, как предполагает А. А. Шахматов, а имело самостоятельный источник. Вместе с тем, возрастает наша уверенность в том, что „описание“ впервые включено в летопись составителем Тверского сборника и что слова „описания налезше“ принадлежат именно ему.

Исследованием А. А. Шахматова установлено, что Тверской сборник в части от 1078 до 1255 гг. представляет собою соединение Новгородской I летописи с сокращенною редакцией Владимирского Полихрона. Если „описание“ отсутствовало во Владимирском Полихроне Фотия, а его не было и в Новгородской первой летописи, то следовательно ясно, что оно внесено в текст Тверского сборника составителем последнего. Это подтверждается и тем обстоятельством, что составитель Тверского сборника называет себя „ростовским селянином“:¹ „описание“ явно носит ростовский характер и тесно связано с местными ростовскими урочищами,² от которых не может быть отделено.³

¹ ПСРЛ, т. XV, изд. 1863 г., стр. V.

² „Их же костей накладыны могилы великы и доныне на реце Ишне, а инии по оную страну реки Усии“; „съзывает их к себе в город обрыт под Гремячим колодезем на реце Где, иже и ныне той соп стоит пуст“.

³ А. А. Шахматов предполагает, что упоминание этих урочищ могло быть поздней-

Сделанные выше предположения подтверждаются найденным нами в Хронографе Публичной библиотеки в Ленинграде F. XVII. 17 (XVII в. — не позже 1661 г.) вариантом той же повести об Александре Поповиче. Приводим весь текст этой повести целиком, несколько упрощая орфографию.

„Ведомо ж да будет, яко Александръ храбрый глаголемый Поповичъ от ростовских житель и слуга у него именем Тороп, прочих же храбрых того же града 70.

И внегда бысть брань князю Костянтину Всеволодовичю ростовскому с меншим братом своим Юрьем Всеволодовичем владимерском о княжении и мнози бои быша меж ими, той же Александр храбрѣствуя выезжая из Ростова князь юрьевых вой побиваше, их же побитых от него около Ростова на реце Ишне и под Угодичами на лугу мнози ямы костей наклады. С ним же храбрѣствуя и Тиманя Златый Пояс. На иных же боех той же Александр с теми храбрыми и Юряту храброго уби и Ратибора храброго, иже хотяше седлы войско Костянтиново (войско) наметати хваляся, уби. Князю Юрью ж Владимирскому о брате и о рати вело печально бысть сердце храбрости их ради. Вскоре же князя Костянтина ростовского бог отдели века сего, отиде к богу, и ростовское княжение достася князю Юрью ко граду Владимиру. Той же Александр совет сотвори с презреченными своими храбрыми, бояся служити князю Юрью — аще мщение сотворит, еже на боех ему сопротивни быша; аще разведемся по разным княжениям, то сами меж себя побиемся и неволею, понеже меж князей несогласие. И тако вздумавше, отъехала служити в Киев. Лутче, рече, есть нам вместе служити матери градовом в Киеве великому князю Мстиславу Романовичю Храброму. Той же великий князь Мстислав Романович о всех храбрых хваляшесь в гордости своей: ужь слух дохождаше русским князем, яко безбожнии татарове мнози страны поплениша: ясы, обезы, касоги и безбожных половец множество избиша, и проидоша землю их, избивающе их гневом божим, заче милостивый бог мстя им кров христианскую, хотя их окаянных половьцев погубити. И прогониша тии татаровя половцев до реки Днепра. Князь же Мстислав рече гордяся надеяся на своих храбрых, их же през рекою. «Донележе, — рече, — аз есмь на Киеве, то по реку Яик и по море Понтийское и по реку Дунай не махивати сабли». Сего ради и с храбрыми своими купно погибе, хотя помогати половцем от татар и своя вся и сам с ними погибе, яко же писано есть в Калкском побоище“ (лл. 337 об. — 338 об.).

Приведенный текст отнюдь не восходит к Тверскому сборнику. Во-первых, содержащий его Хронограф никогда в других случаях

шей вставкой. (ЖМНП, 1901, XI, стр. 75). Однако упоминания эти точно согласуются со всеми подробными географическими данными „описания“ и не могут быть из него выделены без искусственной ломки текста.

к Тверскому сборнику не обращается. Во-вторых, в тексте этой краткой повести имеются детали, которых нет в „описании“ Тверского сборника.

Например, в начале повести сказано, что у Александра Поповича „прочих же храбрых того же града 70“. Тем самым объясняется, с какими „храбрыми“ совещается Александр Попович после смерти Константина Всеволодовича ростовского. Объясняется и то, — с какими „храбрами“ погиб Александр в Калкской битве: это „храбры“ ростовские — Александровы. Не забыто в краткой редакции убийство Александром Поповичем Ратибора храброго, чем объясняется неясное замечание „описания“ о том, что Александр Попович боялся мести Юрия Всеволодовича „Юрjаты ради, и Ратибора“. Имеются и расхождения с „описанием“. В последнем Александр Попович выезжал для подвигов из острога на реке Ишне, а в кратком варианте он выезжает „храбрствуя“ непосредственно из Ростова. Таким образом и „описание“ и краткий вариант повести об Александре Поповиче восходят оба вместе к какой-то более подробной повести об Александре Поповиче, не зависимой ни от какой летописи.

Краткий вариант целиком подтверждает высказанное выше предположение, что отрывок о похвальбе Мстислава Храброго относится к „описанию“, что это „бахвальство“ Мстислава объяснялось именно службой у него Александра Поповича и его 70 „храбрых“, и что результатом этой похвалы и явилась гибель их всех.

Между прочим, А. А. Шахматов, изучая Рогожский летописец, пришел к выводу, на основании совсем других соображений, о существовании отдельной от летописи ростовской повести о Калкском побоище, которая затем в отрывках была включена под 1224 г. в Тверской сборник. Существованием такой отдельной повести А. А. Шахматов объяснял то обстоятельство, что известная хронологическая выкладка, читающаяся в Софийской первой, Новгородской четвертой и других летописях под 6395 г., — в Рогожском летописце оказалась перенесенной под 6732 г. — год Калкской битвы.¹ А. А. Шахматов предположил, что эта самая выкладка читалась и в особой ростовской повести о Калкской битве, откуда была перенесена в ростовскую летопись вместе с повестью и перешла в некоторые из сводов, пользовавшихся этой ростовской летописью.

Однако наш текст краткой повести об Александре Поповиче этого предположения А. А. Шахматова не подтверждает. Следов хронологической выкладки в ней нет, как нет и в „описании“. Напомним, что вставка кусков из „описания“ сделана не в ростовскую летопись, откуда она перешла в Тверской сборник, а самим составителем Тверского сбор-

¹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV — XVI вв., Л., 1938, стр. 368 и сл.

ника — „ростовским жителем“¹ в 1534 г. Из какой-то ближе нам неизвестной поздней ростовской летописи могла быть перенесена только та краткая повесть о Калкской битве, где имелось лишь простое упоминание о гибели Александра Поповича и его 70 храбрых, заимствованное в поздних ростовских летописях из свода Фотия.² Именно этим путем можно объяснить ее появление в Новгородско-софийском своде 30-х годов XV в.

5

Итак, перед нами ощутимый след народных произведений об Александре Поповиче, слуге его Торопе и о Тимоне Златом Поясе. Отголоски этих устных преданий не составляют единого целого: они вошли в письменность в разное время и затем из разных источников перешли в Тверской сборник.

Вглядываясь глубже в эпизоды героических подвигов Александра Поповича, можно заметить, что первые три из них тесно связаны между собою защитой Ростова, четвертый же эпизод находится с ними в некотором противоречии и более или менее обособлен.

Три первых эпизода связаны с защитой Александром Поповичем своего родного города Ростова от соседнего русского князя Юрия. Александр Попович верен своему городу и сюзерену даже тогда, когда князь Константин покидает его. Успехи Александра Поповича при защите своего города объясняются заступничеством патрональной святыни Ростова — „Пречистой“. Патрон Ростова — „Пречистая“ — не отпускает от себя ростовского князя Константина и помогает Александру Поповичу при защите Ростова. Народные предания о первых трех подвигах Александра Поповича объединены общей струей местного ростовского патриотизма и феодальной идеологии. Память о нем как о ростовском герое, „жителе“ Ростова, сохраняется именно в Ростовском крае, тесно связана с определенными урочищами. Это предания местные, топографически приуроченные, что составляет характерную черту эпических преданий раннего средневековья.³ В современном эпосе воспоминание о ростовском происхождении Александра Поповича сохранилось в былинке „Алеша Попович“ в сборнике Кирши Данилова (№ XIX). Алеша назван в ней сыном старого соборного попа ростовского. Он выезжает вместе с Екимом Ивановичем:

„Из славного Ростова, красна города“.

¹ См. ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. V: „Не бо бех Кианинь родом, ни Новаграда, ни Владимира, но от веси Ростовских областей“.

² Поздние ростовские летописи (XV — XVI вв.) в основном продолжают московскую линию летописания, почти не будучи связаны с местной летописной традицией XII — XIII вв.

³ Топографическое приурочение имеют все устные предания, вошедшие в Повесть временных лет.

То же ростовское происхождение Алеши обычно указывается в былинах „Алеша и Тугарин“.¹ Былина начинается описанием выезда Алеши Поповича из Ростова вместе со своим слугою Екимом Ивановичем (иногда: Васильюшкой, Акимом, Якишей, Якимом, Марышкой Парановым сыном). Иногда город, из которого выезжает Алеша, не назван, но всегда почти есть указания на то, что Алеша — сын ростовского соборного попа. Между тем, собственно ростовские подвиги Александра Поповича, как участника Липицкой битвы и борьбы за наследство Всеволода, в современных былинах не сохранились. Однако четвертый эпизод — прибытие Александра Поповича в Киев, отраженный современными былинами довольно ясно, во многих отношениях типичен для былинного творчества и, очевидно, более позднего происхождения. Эпизод этот утратил свои местные ростовские черты. В нем уже нет типической черты раннего, древнейшего этапа в развитии исторического предания — местной приуроченности (ссылок на урочища, рвы, могилы, с которыми связана обычно память о герое в древнейшем периоде). В нем нет также упоминаний о покровительнице Ростова — „Пречистой“ и не ощущается ростовский местный патриотизм. Александр Попович как бы отрекается от своего прошлого. Собранные им „храбрые“ отказываются служить „по разным княжениям“. Отказывается служить родному Ростову и Александр Попович. Мотив отказа характерен — Александр и русские „храбрые“ не хотят более принимать участия в междоусобиях князей, „храбрые“ объединяются, чтобы никогда больше не враждовать между собою. Иначе они „имут перебитися“, как перебил в свое время сам Александр Попович „храбрых“ Юрия Всеволодовича. „Храбрые“ решаются служить не местным князьям, а „единому великому князю в матери градовом Киеве“. В этом решении „храбрых“ отказаться от служения местным князьям, объединиться и служить общерусскому делу, переехав к великому князю киевскому как представителю общих интересов русского народа, совершенно отчетливо сформулирована идея общерусского единства, идея необходимости единения, преодолевается та самая идеология феодализма, которой служил сам Александр Попович в предшествующих трех эпизодах.

Итак, перед нами два этапа в развитии былевого эпоса об Александре Поповиче: в первом из них Александр Попович является ростовским героем начала XIII в., во втором — он герой общерусский, находящийся на службе у киевского князя Мстислава Романовича Храброго.

О последующих двух этапах, в которых Александр Попович оказывается богатырем у Владимира Мономаха, а затем и у Владимира I Святославича, дает представление более поздняя Никоновская летопись.

¹ Рыбников, III, № 20; Гильфердинг, № 99; Марков, № 47; Григорьев, 43, 50, 212, 334; Оичуков, 64, 85, и др.

В Никоновской летописи, а также отчасти в Степенной книге имеется ряд записей о подвигах Александра Поповича, переводящих сюжет на два с лишним века назад — ко времени княжения Владимира I Святославича.

„В лето 6508 (1000 г.). Прииде Володарь с Половцы к Киеву, забыв благодеяния господина своего князя Владимира, демоном научен. Володимеру же тогда в Переславце на Дунаи, и бысть смятение велие в Киеве, и изыде нощию во сретение им Александр Поповичь, и уби Володаря, и брата его и иных множество Половец избви, а иных в поле прогна. И се слышав, Володимер возрадовася зело, и възложи на нь гривну злату, и сотвори ѿ вельможа в полате своей“.¹

Под следующим годом (6509=1001 г.) Александр Попович упоминается в летописной статье, имеющей особый заголовок: „Богатыри“. „Александр Поповичь и Ян Усмошвець, убивый Печенежского богатыря, избиша множество Печенег, и князя их Родмана и с трема сыны его в Киев к Володимеру приведоша. Володимер же сътвори празднование светло, и милостыню многу раздаде по церквам, и по монастырем, и убогим и нищим, и по улицам болным и клосным великиа кади и бочки меду и квасу, и перевары и вина поставляше, и мяса, и рыбы, и всякое овощие, что кто требоваше, и ядыше“.

Третье известие об Александре Поповиче заключено в Никоновской летописи под 6512 (1004) г.: „Идоша Печенези на Бельград; Володимер же посла на них Александра Поповича и Яна Усмошвеца с многими силами. Печенези же слышавше, побегоша в поле“.

Все три известия Никоновской летописи рисуют Александра Поповича ревностным защитником Киева, как предшествующие известия Тверского сборника рисовали его защитником Ростова. Врагами родного города Александра Поповича являются на этот раз не русские князья соседних областей, а общерусский враг: степные народы — печенег и половцы. Перед нами следовательно тот же общерусский герой Александр Попович, который принимал участие и в Калкской битве. Замечательно при этом, что Александр Попович под 6509 г. включен в рассказ под заголовком „Богатыри“. Этот термин впервые здесь употреблен в отношении Александра Поповича, до того носившего название „храброго“. Александр Попович находится на службе у традиционного эпического князя Владимира, изображенного притом в традиционных же чертах эпической поэзии — как пиrolюбец и щедрый князь.

Перед нами несомненное отражение народного эпоса, при этом не одинокое в Никоновской летописи.² Княжение Владимира I окружено в Никоновской летописи целым роем богатырских имен. Известиями о них,

¹ Здесь и ниже цитирую Никоновскую летопись по изд. 1862 г.

² Эпические черты в известиях Никоновской летописи об Александре Поповиче выяснены в исследованиях Костомарова, Дашкевича, Халанского.

так же как и известиями об Александре Поповиче, заполнены пустые годы княжения Владимира предшествующего летописания. Под 6508 (1000) г. сообщается о смерти богатыря Рагдая Удалого: „того же лета преставися Рагдай Удалой, яко наезжаше сей на триста воин, и плакася о нем Володимер, и погребе его с отцем своим митрополитом Леонтом“.

Под 1004 г. Никоновская летопись сообщила об отравлении Андриха Добрянкова храброго: „Того же лета Андриха Добрянкова храброго отравою смертною окормиша свои слуги“. Под 1008 г. опять-таки на основании каких-то фольклорных источников включен рассказ о поимке некоею „хитростью“ „славного разбойника, нарицаемого Могута“, отдаленно напоминающего Соловья-разбойника. Приведенный ко двору Владимира, этот Могута встал перед Владимиром, „въскрича зело, и многы слезы испущая из очию“, закаялся не заниматься разбоем. Свое обещание Могут свято затем хранил, вел примерный образ жизни в доме митрополита и, провидев свою смерть подобно святым, умер в раскаянии.

Изображение самого Владимира также подвергнуто в Никоновской летописи основательному пересмотру с точки зрения фольклорных данных. Четырежды рассказывается в ней о пирах Владимира, тогда как в предшествующем летописании о них упоминалось всего однажды.

Нельзя, однако, считать, что все внесенные в Никоновскую летопись сведения о богатырях безусловно обязаны своим происхождением русскому эпосу. Кое в чем мы должны предположить и участие фантазии самого составителя Никоновской летописи. Так, например, не поняв под 1002 г. известия о смерти матери Владимира I Святославича — Мальфреды и приняв ее имя за мужское, составитель Никоновской летописи исказил сообщение предшествующей летописи, превратив Мальфреду в богатыря: „преставися Мальвред сильный“. Однако эта ошибка составителя Никоновской летописи характерна. Очевидно в середине XVI в. время Владимира в достаточной мере определилось как время богатырства киевского, и летописец испытывал серьезное желание дать этому соответствующее отражение в летописи, заполнив сведениями о богатырях пустые годы княжения Владимира и видя богатырей в неразъясненных в летописи именах владимирова времени. Такие же прибавления „храбрый“, „сильный“, „богатырь“¹ к историческим именам можно встретить в Никоновской летописи во многих известиях последующих лет.

Когда могли проникнуть в летопись эти фольклорные данные о богатырях Владимира? Все ли они внесены в летопись составителем Никоновской летописи или кем-либо из его предшественников? Судя по отсутствию данных об этих богатырях в таких летописях, как Воскресенская, московский княжеский свод 1479 г., и наличию некоторых из них в Сте-

¹ О сравнительно позднем употреблении слова „богатырь“ см.: Н. Дашкевич, Былины о Алеше Поповиче и о кончине богатырей. Киевск. унив. известия, 1883, № 3, стр. 168 и 169.

пенной книге, предполагаем, что они были внесены в летопись не ранее конца XV в. и не позднее 50-х гг. XVI в. (времени составления Степенной книги).

Однако когда бы ни были внесены в летопись известия об Александре Поповиче 1000, 1001 и 1004 гг., сами по себе они резко различны по своему происхождению. В самом деле, запись 1000 г. о борьбе Александра Поповича с половцами, приведенными к Киеву Володарем, довольно точно передает, очевидно в самом общем виде, содержание былины. Между тем половцы не могли появиться под стенами Киева при Владимире I — их еще не было в южнорусских степях — они появились в конце XI в. Володарь, о котором идет речь в Никоновской летописи (Володарь Ростиславич), действительно подступал к Киеву и при этом именно с половцами, но не в 1000 г., а в 1110 г. при Владимире Мономахе.¹ Таким образом, перед нами яркое свидетельство существования такого этапа в развитии былин об Александре Поповиче, когда он являлся богатырем не Владимира I, а Владимира Мономаха. Этап этот засвидетельствован и записями былин об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче. В последнем не без основания видят историческое лицо времени Владимира Мономаха — Тугорхана, подступавшего к Киеву в 1096 г. и неоднократно разорявшего Русскую землю в последней четверти XI в.²

Все вышеизложенное позволяет думать, что уже в XVI в. Александр Попович являлся богатырем эпохи Владимира I Святославича, пройдя этап своего служения при дворе Владимира Мономаха. Два последующих рассказа Никоновской летописи о подвигах Александра Поповича несомненно относятся ко времени Владимира I Святославича. В них Александр Попович выступает совместно с историческим лицом конца X — начала XI в. — Яном Усмошведом³ и действует против печенегов, сведения о которых исчезают в летописи ко времени Владимира Мономаха.

Итак, Никоновская летопись дает нам представление еще о двух последующих этапах развития эпоса об Александре Поповиче: в первом из них Александр Попович служит Владимиру Мономаху, во втором — Владимиру I Святославичу. В обоих этих случаях Александр Попович тесно связан с историческими событиями времени Владимира I и Владимира Мономаха; это заставляет думать, что имя его заместило в сказаниях имена каких-то более древних богатырей.

¹ В. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II. 1910, стр. 109 и сл.

² В. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II. 1910, стр. 113 и сл. (см. Лаврентьевскую летопись под 1096 г.).

³ Возможно, что имя Яна Усмошведа выдуманно летописцем, как предполагает Н. И. Костомаров („Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях“, Собр. соч., т. XIII, кн. 5, стр. 391). Однако самые факты, связанные с ним (единоборство с печенежником), отмечены еще в Повести временных лет.

7

Обратим внимание на замечательные особенности рассказа о битве на Липице в Никоновской летописи. В последней имеется ряд дополнений, не находящих себе параллелей в других летописях.

Прежде всего — в перечислении сил Константина Всеволодовича Ростовского перед битвою на Липице упомянуто: „с ним же бе и два храбра, Добрыня Златый пояс да Александр Попович с своим слугою с Торопом, славныя¹ богатыри“. В Тверском сборнике в другом контексте при перечислении убитых упомянуто: „У князя же у Константина тогда бяше в полку два человека храбрых, Олешка Поповичъ и человек его Торопъ, и Тимоня Золотой пояс“. Однако известие Тверского сборника и известие Никоновской летописи не могут быть поставлены в генетическую связь: они различны по месту своего нахождения в рассказе о Липицкой битве, различны по форме и по существу. В Тверском сборнике упомянуты „Олешка Поповичъ и человек его Торопъ“ и „Тимоня Золотой Пояс“; в Никоновской же летописи на первое место поставлен Добрыня Златый пояс; Александр Попович выступает с „слугою“ своим Торопом, и все вместе названы „славными богатырями“. Ясно, что известия Никоновской летописи самостоятельны по происхождению.

Значительно распространено заявление Ярослава Всеволодовича вторгшимся войскам противников. В Новгородской IV летописи оно чрезвычайно лаконично: „мира не хочю, а мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте аки рыбы на сухо“. В Никоновской летописи особенно развита последняя, образная, часть этого обращения: „мира не хошу, и гостей не отдам, и что взях, то у меня, и еще хошу имати и новгородцев всех казнити; но убо и сего не весте от великиа ваша глупости, яко далече есте зашли, яко овцы ко лвом, яко теленки к медведем, яко свиньи на поле, яко рыбы на сухо“. В Никоновской летописи подчеркнуты резкость и самонадеянность ответа Ярослава; народная поговорка „яко рыбы на сухо“ развита дальнейшими сравнениями, приведенными в ту же поговорочную форму.

Чрезвычайный интерес представляют те изменения, расширения и та драматизация, которые приданы эпизоду с предупреждением Юрия Всеволодовича на пиру неким боярином. Юрий и Ярослав Всеволодовичи устраивают перед битвой пиршество. Никоновский летописный свод подчеркивает самонадеянность князей, их уверенность в победе: „и придоша в ярость велию надеющиеся на многое воинство, понеже много воинства собраша, и сице ярящися, начаша пиры творити в шатрех своих з боары своими“. В отличие от рассказа предшествующих летописей, в Никоновской князья спрашивают во время пира всех „по единому“, как схо-

¹ Здесь слово „славныя“ употреблено в значении „славящиеся“ — „хорошо известные“, что вполне оправдывается устно-былинным происхождением этих упоминаний (см.: И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка, т. III, 1912, стр. 403).

даться на бой с вторгшимися во Владимирско-Суздальскую землю войсками. Очередь дошла и до старого боярина Андрея Станиславича, которого все считали выжившим из ума от старости („яко от старости и мало смыслить“), а поэтому спрашивавшие его — „не прилежно вопрошаху его“. Андрей Станиславич произносит длинную речь, в которой просит извинить его за то, что скажет, может быть, не так, как следует („яз стар и мало смыслю уже“), а затем предлагает заключить мир, отдать старейшинство Константину, отпустить новгородцев „и чюжих не возхищати“ — блюсти только принадлежащее себе. В заключении своей речи Андрей Станиславич призывает князей не кичиться обилием своего войска: „о сем убо не зрите, яко мало их есть воинство, а вашего воинства много и безчислено, но убо не забывайте, яко Ростиславле племя князи мудры и храбры, а Новгородци, и Псковичи, и Смолняне усердии суть к бою, а самого князя Мстислава Мстиславичя и сами весте, каков есть, и яко от бога дана ему храбрость паче всех“. Самое замечательное в речи этого боярина Андрея Станиславича — это напоминание Юрию и Ярославу о богатырях Константина: „и есть у него мужи храбри зело и велици богатыри, яко лвы и яко медведи,¹ не слышат бо на себе ран... и храбрых ныне не веси у него Александра Поповичя и слугу его Торопа, и Добрыню Рязаничя Златаго поаса и Нефедья Дикуна“.

Эта пространная речь Андрея Станиславича находит себе некоторую параллель в выступлении на пиру боярина Творимира в предшествующих летописных описаниях битвы на Липице. Однако в Никоновской летописи резче подчеркнута ярость Юрия,² и успокаивающие речи бояр³ присочинены вновь. Выступление боярина, похвалившегося закидать седлами врагов, развито: боярин обещает не только закидать седлами врагов, но и кулаками побить их, даже если на помощь им придет „вся земля Половецкая“.

Весь этот эпизод не может считаться только результатом развития предшествующего летописного рассказа о похвальбе братьев-князей суздальцев на пиру перед битвой на Липице. Если бы это было так, — нам была бы непонятна необходимость заменить боярина Творимира боярином Андреем Станиславичем,⁴ и добавить ряд явно эпических подробностей: на пиру

¹ Ср. выше добавление в речи князя Ярослава: „но убо и сего не весте от великиа ваша глупости, яко далече есте зашли, яко овцы ко лвоу, яко теленки к медведем...“

² „О сем зело разъярися и разсверепе, и начя сюду и сюду метатися, яко зело не люба бысть ему речь сия“.

³ „Что, княже, о сем скорбиши; не веси ли, яко без ума есть сей от старости, не весть, что глаголеть“.

⁴ Возможно, что в первоначальном рассказе о Липицкой битве в своде 1448 г. имя боярина Творимира не читалось. Летописец мог принять за него слова, сохранившиеся ныне в Софийской первой летописи, с которыми боярин обращается к суздальцам „Твори мир, князь Юрьи и Ярослав“ (Софийск. I, изд. 1925 г.) Однако могло быть и обратное; т. е. имя боярина Творимира было воспринято составителем Софийской

все присутствующие по очереди высказываются о предстоящей битве, доходит очередь до глубокого старца, которого все считают выжившим из ума, ему „с небрежением“ предлагают высказаться, но он мужественно говорит правду в лицо, чем вызывает гнев князя.

Самое существенное, однако, что на этом эпизод не кончается. В момент ночного „пополоха“ в лагере суздальцев, вызванного шумом в расположении противников, старец вновь является перед суздальскими князьями и насмешливо успокаивает их: „ничто же виде, почто хочете бежати? не рех ли аз вам безумнем, яко лутчи вам миритися, се бо ни единого мертваго ни кроваваго видесте, и тако усътрашистеса и на бежание уклонистеса; егда же увидите вищша сего сотворшася над вами, что тогда не постражете“. И на этот раз суздальцы не внимают увещаниям старца, отсылая его от себя прочь „безчестна“. Происходит битва в ней на стороне противников Юрия и Ярослава принимает участие Александр Попович, о котором предупреждал суздальцев старец, и суздальцы разбиты.

Природа не сочувственно относится к братоубийственной вражде; перед битвой: „въста ветр, и прииде облак, и биаше гром безпрестани, и мльниа сожигающи страшно, и бысть страх на всех, и стоаху много, ни сии ни они друг на друга не поступающе, ни мира хотяще: разсверпишася бо яко звери“.

Наконец, в описание самой битвы введен новый эпизод встречи в бою Мстислава Мстиславича с Александром Поповичем. Мстислав Удалой трижды проехал с топором в руке через полки суздальцев. Встреченный им Александр Попович не узнает его: „И прииде на него Александр Поповичъ, имае меч наг, хотя разсеци его: бе бо силен и славен богатырь. Он же возопи глаголя: яко аз есмь князь Мстислав Мстиславичъ Новгородцкый; он же уставися, и тако спасе его бог от смерти. И рече ему Александр Поповичъ: «княже! ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты, глава, убиен будеши, и что суть иныя, и камо ся им дети?»“¹ Произнесенное Александром Поповичем наставление не лишено интереса для выяснения хронологии создания этого сюжета: в нем отразились военные воззрения XV—XVI вв., что предводитель войска не должен принимать личного участия в боевых схватках, чтобы не подвергать своей жизни опасности: „егда убо ты, глава, убиен будеши, и что суть иныя и камо ся им дети?“ В XIII и в начале XIV в. князья еще принимали личное участие в битве, но уже Дмитрий Донской отдал в битве свой шлем похожему на него по виду воину.² Таким образом в эпизоде этом как бы летописи как обращение к князьям. За последнее говорит несогласованность формы единственного числа „твори“ с обращением к двум князьям (Юрию и Ярославу), требовавшим множественного числа.

¹ См. об этом: В. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II, стр. 78, и сл.

² Ср. в Сказании о Мамаевом побоище: когда Дмитрий захотел сам биться в полку, „мнози жо рустии богатыри (!) удръжавше его възбраняше ему ржуще не подобает тебе, великому князю, самому в полку битися, тебе подобает особе стояти

встретились реальный исторический факт личного участия Мстислава Удалого в рукопашных схватках и позднейшее воззрение на недопустимость этого в битве („наставление“ Александра Поповича).

Заслуживает внимания также изменение в Никоновской летописи имен убитых в Липицкой битве воинов Мстислава: Дмитрий Плесковитин назван „Псковигин Дмитрий Желтый“; „Онтон“ котельник назван „Антоний, глаголемый Черный“, убитому в битве Ивану Поповичу придан в Никоновской летописи слуга — Нестер. Все они названы в Никоновской летописи „вельми храбрыми и сильными“, что является в Никоновской летописи обычными эпитетами богатырей. О смерти их „плакася... намного князь Мстислав Мстиславич“.

Не может быть сомнения в том, что все эти добавления и изменения в Никоновской летописи в описании Липицкой битвы возникли под влиянием каких-то фольклорных сказаний. Внимательное рассмотрение этих дополнений убеждает нас в том, что все они сделаны на основании каких-то местных ростовских сказаний о Липицкой битве, сочувственно относящихся к ростовскому князю Константину и его союзникам.

Можно думать, что эти дополнения внесены в рассказ о Липицкой битве не составителем Никоновской летописи, а кем-то из его предшественников. Предполагаем, что уже составитель более ранней Воскресенской летописи был знаком с кое-какими из этих дополнений. Так, например, Новгородско-софийский свод 30-х годов XV в. называет четырех убитых в битве новгородцев. Это число постоянно указывается в летописях XV в. Однако в Воскресенской летописи указано пять убитых новгородцев. Предполагаем, что Воскресенская летопись имела в виду слугу Ивана Поповича — Нестера, указанного дополнительно в Никоновской летописи.

Затем нельзя не обратить внимания на многозначительное расхождение Тверской и Никоновской летописей в имени второго ростовского богатыря, сражающегося вместе с Александром Поповичем. Вместо Тимони Златого пояса Тверского сборника, в Никоновской летописи в Липицкой битве участвует Добрыня Золотой пояс. Это расхождение перекидывается и на рассказ о Калкской битве: в Тверском сборнике вместе с Александром Поповичем погибает Тимоня Златой пояс, в Никоновской — Добрыня Золотой пояс.

Тесная связь, которая существует между фольклорными дополнениями в Никоновской летописи к повести о Липицкой битве и самой повестью говорит о том, что и повесть и народное предание о Липицкой битве расходились не существенно, или вовсе не расходились. Это-то и позво-

---

и нас разсмотреть, пред ким нам явится, егда посетит тебе бог, великаго князя, государя, милостию своею, то время чести, по чему разумети, кому даровати достойныя чести. Мы же готови есмя вси главы своя скласти днесь за тебе, великаго князя. Тебе же, великому государю, подобает раб своих разсмотреть, елико ти послужим головами своими, памяти творити“ (рпк. XVI в. Сказание о Мамаевом побоище, изд. С. К. Шамбинаго, СПб., 1907, стр. 41).

лило не добавлять новые эпизоды, а развивать старые на основе фольклорных данных.

Заслуживает внимания, что в Новгородско-софийском своде 30-х годов XV в. рассказ о Липицкой битве оказался сильно расширенным сравнительно с рассказами Лаврентьевской и Новгородской первой летописи. Высказываем предположение, что эти расширения также были сделаны за счет фольклорного материала. В Новгородско-софийском своде рассказ о Липицкой битве оказался дополненным эпизодом с пиром у Юрия и Ярослава, где похвальба братьев суздальцев и боярина Ратибора, а также разумное предостережение Творимира явно вызывают фольклорные ассоциации.¹ А, во-вторых, рассказ о Липицкой битве оказался дополненным эпизодами с комическим бегством Юрия и Ярослава. Юрий в одной нижней („первой“) сорочке прискакал во Владимир на четвертом коне, загнав по дороге трех. Его приняли издалека за гонца, везущего весть о победе, и обрадовались: „Наши одолевают“, но Юрий, прибежав один, „нача ездити около града, глаголя: «Твердите город»“, и „бысть в веселия место плачь“.² Брат его Ярослав прискакал в Переяславль на пятом коне, загнав по дороге четырех. Повторность этого эпизода с загнанными конями заставляет предполагать в основе фольклорный элемент. Самый эпизод с радостью горожан, принявших Юрия за гонца с известием о победе, напоминает известный былинный эпизод с дочерьми Соловья-разбойника, принимающими Илью, везущего Соловья, за своего отца, везущего связанного Илью.

„— Едет-то наш батюшко чистым полем,
А сидит-то на добром кони,
Да везет ён мужичищо деревенщину,
Да у правого стремени прикована“.³

Таким образом, рассмотрение рассказа о Липицкой битве в Новгородской летописи заставляет предполагать наличие богатого фольклорного материала и в XV и в XVI вв. об этой значительной в истории Ростово-Суздальской земли битве. Александр Попович был одним из главных героев борьбы за наследство Всеволода Большое Гнездо. Рассказы

¹ Вопрос о зависимости мотива неудачной похвальбы в былинах о Камском побоище, Мамае и Калине от летописного рассказа (из „свода 1448 г.“) о похвальбе перед Липицкой битвой братьев князей суздальцев и боярина Ратибора подробно рассмотрен Вс. Миллером („Очерки русской народной словесности“, т. II, 1910, стр. 69—86). Однако зависимость эту можно рассматривать и иначе, чем это сделано Вс. Миллером. История создания летописной повести о Липицкой битве позволяет думать, что в рассказ Новгородско-софийского свода 30-х годов XV в. сильной струей проникло народное историческое предание (в Лаврентьевской летописи и в Новгородской первой по синодальному списку эпические подробности этого рассказа отсутствуют).

² Софийская первая летопись, вып. 1, изд. 1925 г.

³ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 14 (№ 74).

о событиях, в которых он принял участие, густо осели в различных летописных сводах XV и XVI вв. Были ли это прозаические предания или исторические песни, — решить трудно.

8

Все вышеизложенное дает нам право на основании летописных данных следующим образом восстанавливать историю былинных сюжетов об Александре Поповиче. Первоначально Александр Попович — один из „храбров“ Всеволода Большое Гнездо, житель Ростова, служащий затем сыну Всеволода Константину. Боевые подвиги Александра связаны с борьбой за наследство Всеволода между его сыновьями; он главный герой Липицкой битвы. Сказания о нем тесно связаны с урочищами Ростова и распространением своим, очевидно, не выходят за пределы Ростово-Суздальской земли.

С ослаблением центробежных областнических тенденций в конце XIV — начале XV в., с ростом сознания общерусского единства Александр Попович теряет черты узко местного ростовского героя и становится героем общерусским. Параллельно реальному политическому объединению русских земель создаются произведения, объединяющие русских богатырей, начинающих служить общерусским интересам. Создается сюжет об отъезде из Ростова Александра Поповича во главе других русских „храбров“, отказывающихся от служения местным князьям. Александр Попович приезжает в Киев — „мать русских городов“ и служит „единому“ русскому князю Мстиславу Романовичу.

Подчеркну чрезвычайно важную именно этого четвертого эпизода „описания“ для понимания исторической концепции русского былевого эпоса. Здесь с полной ясностью раскрыты причины типического для русских былинных сюжетов переезда местного богатыря в Киев. В Киев приезжают Александр Попович и Еким Иванович из Ростова,¹ Илья Муромец из Мурома, Добрыня из Рязани, Дюк Степанович из Волянца Галича. Приезжают в Киев и Чурила, и Никита Залешанин и другие. В некоторых из этих былин говорится о том, что богатырь приезжает, заслышав о нависшей над Киевом беде,² но только в Тверском сборнике дано этому переезду реальное объяснение: это — отказ богатыря от служения местным интересам феодала ради служения родине. Киев и киевский князь выступают в данном случае как бы символами общерусского единства; киевский князь прямо назван „единым“ князем. Замечательно также, что богатыри переезжают в Киев не в одиночку а по общему сговору, сотворив совет, также в известной мере типичный для эпических песен.³ Ближе всего к этому мотиву стоит мотив совеща-

¹ Сб. Кирши Данилова, № XIX.

² „Былины новой недавней записи“, № 99.

³ Ср. исторические песни о Ермаке: совет перед отправлением казаков в Сибирь (ср. запись этой исторической песни в Строгановской летописи: „Сибирские летописи“, СПб., 1907, стр. 55 и сл.).

ния казаков перед походом в исторических песнях о Ермаке, но и мотив богатыря на распутьи также весьма близок разбираемому положению. Сборник Кириши Данилова дает сюжет с весьма близкой ситуацией. Выхавшие из Ростова богатыри Александр Попович и Еким Иванович оказываются на распутьи. Три дороги ведут в различные русские города: в Муром, в Чернигов и в Киев. Еким Иванович обращается с вопросом к Алеше Поповичу: по какой дороге ехать. Александр Попович избирает путь на Киев: „Говорил ему Алеша Попович млад: «лучше нам ехать ко городу, ко Киеву, ко ласкову князю Владимиру»“.¹

В былинах „Алеша и Тугарин“ иногда вместо Мурома, Чернигова и Киева фигурируют другие города: Чернигов, Тобольск, Киев;² Кремлев, Чернигов, Киев;³ Киев, Новгород, Чернигов;⁴ Суздаль, Чернигов, Киев.⁵ Однако одна из дорог всегда ведет в Киев, и именно в Киев едут товарищи, посоветовавшись между собою.⁶

Мотивировка этого выбора Киева отсутствует в былине, либо она случайна и варьируется, но зато она совершенно твердо указана в Тверском сборнике, несомненно отразившем народные предания или песни об Александре Поповиче XV—XVI вв. Эта мотивировка замечательна своею историческою сознательностью. Идея необходимости объединения Руси и служения общерусским интересам выражена в ней совершенно отчетливо.

Естественно думать, что Александр Попович, как местный герой, предшествует Александру Поповичу, как герою общерусскому. Подобно тому как исторически областнические тенденции предшествовали тенденциям объединительным, — и в эпосе местные предания иногда предшествовали преданиям общерусским. Эта хронологическая последовательность подчеркнута в самом развитии рассказа Тверского сборника, где Александр Попович из героя местного становится героем общерусским, а не наоборот. Новый сюжет переезда героя в иную местность мог создаться только для объяснения новой же ситуации, а отнюдь не старой.

Надо думать, что эти объединительные тенденции в русском былевом эпосе совпали с объединительными тенденциями в русской государственной жизни или несколько им предшествовали. Признание этого влечет нас к предположению, что четвертый эпизод о переезде Александра Поповича к киевскому князю и гибель его вместе с остальными русскими „храбрами“ за общерусское дело возник не раньше конца XIV столе-

¹ Сб. К. Данилова № XIX. отождествление этого былинного эпизода с эпизодом Тверского сборника сделано Дашкевичем, повторено Халанским и др.

² Григорьев, № 43.

³ Григорьев, № 212.

⁴ Ончуков, № 64.

⁵ Ончуков, № 85.

⁶ Отъезд Александра Поповича в Киев по „описанию“ Тверского сборника и начало былины об Алеше и Тугарине приведены в связь еще Дашкевичем, а затем Халанским.

тия. Это объясняет нам, с другой стороны, и самый факт включения во Владимирский Полихрон Фотия начала XV в. известия о гибели на Калке Александра Поповича и его 70 „храбрых“.

В известии Владимирского полихрона Фотия (1418 или 1423 г.) о смерти Александра Поповича и „инех“ 70 „храбрых“ можно видеть древнейшее отражение в средневековой письменности эпического сюжета о гибели богатырей. Былины эти, таким образом, не „завершают собою“ круг южнорусских былин,¹ а начинают их. Это один из древнейших эпических сюжетов, рисующих объединение богатырей (объединение, правда, перед лицом смерти, гибели за общерусское дело).

Недовольство усобицами князей в конце XIV — начале XV вв. отразилось в резко отрицательном изображении Мстислава Романовича Киевского (Тверской сборник). Однако рост политического значения княжеской власти в XIV и XV вв., выдающаяся роль московских великих князей в политическом объединении Руси привели к переосмыслению личности князя в былинных сюжетах. Соответственно этому в былинных сюжетах об Александре Поповиче место ничтожного князя киевского Мстислава Романовича занимает идеализированный русской летописью, книжностью и народом в целом — Владимир Мономах — родоначальник московских великих князей. Александр Попович на службе у Владимира Мономаха удачно обороняет Киев от половцев.

Последний этап, засвидетельствованный летописью, застаёт Александра Поповича при главном притягательном центре Киевской Руси — Владимире I Святославиче, — совместно с другими русскими богатырями защищающим Киев от печенегов. К 1550-м годам (время составления Никоновской летописи) этот цикл развития былинных сюжетов об Александре Поповиче может считаться завершённым.

Таким образом, исторические предания об Александре Поповиче и по характеру своей распространенности и по характеру своих сюжетов, развиваются от узко местного эпоса к общерусскому. Местные сказания, приуроченные к определенным урочищам, превращаются в общерусские героические сюжеты с весьма обобщенным содержанием. Развитие былинных сюжетов об Александре Поповиче идет параллельно развитию и росту общенародного самосознания.

История сюжетосложения былин об Александре Поповиче наглядно убеждает в том, что процесс циклизации былинных сюжетов вокруг Киева и князя Владимира отнюдь не во всех случаях являлся механическим процессом, подчиненным „бессознательным законам народной памяти“.

С точки зрения исторической школы, развитие былинных сюжетов представляет собою историю постепенного потухания и сглаживания лежащего в их основе живого, многообразного и полноценного исторического факта. Поэтому историческая школа в изучении былин (Вс. Миллер, Н. Дашкевич, А. Лобода, А. Марков, Б. Соколов и др.) ставила себе

¹ Так утверждал М. Н. Сперанский: „Русская устная словесность“, 1917, стр. 271.

целью связать русские былины с подлинными историческими фактами, с определенными историческими лицами. Вся последующая история былинных сюжетов, в том числе и циклизация их вокруг Киева, рассматривается исторической школой как постепенное обесценивание этого основного исторического ядра.

Такая точка зрения на постепенное угасание исторической правды, исторической памяти народа отнюдь не случайна. Она лежит в непосредственной связи с глубоко неверным утверждением Вс. Миллера об аристократическом происхождении русских былин и постепенном спаде их художественной ценности по мере их нисхождения в народ.

Анализ исторического развития сюжетов об Александре Поповиче, поскольку оно отразилось в летописи, заставляет говорить об обратном: не о ниспадающей линии развития эпоса, но о восходящей. Возникнув на основе местного исторического припоминания, сюжет героических былин об Александре Поповиче постепенно поднимается до обобщающих представлений об историческом развитии родины и выходит за пределы своей местности, становясь достоянием всего народа. Это объясняется в первую очередь тем, что развитие эпоса об Александре Поповиче было тесным образом связано с историческими воззрениями народа.

И эти исторические воззрения, с наибольшей яркостью отразившиеся в былинах, должны быть подвергнуты изучению. Надо уяснить себе, когда и при каких обстоятельствах создалась историческая концепция русского эпоса. Она отнюдь не случайна. Народ активно воспринимал события своего времени. Ее создание диктовалось исторической необходимостью; она представляла собою живой отклик народа на судьбы своей родины.

История сюжетосложения былин об Александре Поповиче, история постепенного вхождения их в Киевский цикл наглядно показывает, что в киевском цикле отразилась прежде всего идея единства Руси, единства русского народа. И князь Владимир, и Киев являются в нем символами русского единства и русской независимости.

Такой взгляд на Киев и на князя Владимира I Святославича является чрезвычайно распространенным взглядом для конца XIV—XV вв. Он проявляется в летописи, в политике, даже в живописи и в архитектуре, подражающих формам и сюжетам домонгольской Руси.

„Чем могла заслужить благодарное воспоминание в народе Киевская Русь со своей неурядицей, вечной усобицей князей и нападениями степных поганых?“¹ спрашивает Ключевский и отвечает: „Историческая эпоха, в делах которой весь народ принимал участие и через это участие почувствовал себя чем-то цельным, делающим общее дело, всегда особенно глубоко врезывается в народную память“.² „Последующие поколения вспоминали о Киевской Руси, как о колыбели русской народности“.³

¹ „Курс русской истории“, изд. 1937 г., т. I, стр. 204.

² Там же, стр. 205.

³ Там же.

⁴ Древне-русская литература, т. VII

Представление о единстве Руси в эпосе, выразившееся в идеализации Киева и ее князя Владимира, развивалось параллельно реальному объединению русского народа, собираемого властной рукой московского великого князя.

Весьма возможно, что киевская циклизация, зародившаяся еще в XI в.,¹ вторым своим кульминационным пунктом имела XV век, эпоху образования русского централизованного государства. Вот почему и Александр Попович, став в XV в. общерусским героем, начинает впервые упоминаться в общерусских летописных сводах также в XV в. — в самый разгар эпохи трудного становления русского государства.

Мы не распространяем историю сюжетов об Александре Поповиче на историю всего русского эпоса. Возможно, что история других сюжетов покажет и иной путь циклизации эпоса. Однако даже если история приурочения сюжетов об Александре Поповиче ко времени Владимира I стоит одиноко в истории былевых сюжетов, — она отнюдь не должна быть признана случайной и в своем роде не закономерной.

9

Чем шире были задачи, которые ставил себе летописец, тем чаще прибегал он к показаниям народного исторического предания. Эти данные исторической памяти народа внедрялись в летопись каждый раз, когда летопись отражала общенародные интересы; так было в XI в., так было и в XV в. Между тем отношение летописца к фольклору в XI и в XV вв. было глубоко различным. В XI в. фольклор оказывал воздействие и на самую форму летописных записей, имел существенное значение в формировании летописного жанра; в XV в. исторические песни входили в летопись своими сюжетами, темами, упоминаниями и идейным содержанием, однако, следов воздействия фольклорной формы на форму летописания в позднем летописании мы не находим.

Весьма возможно, что такая разница воздействий фольклора на летопись в XI и в XV вв. объясняется отличием той стадии развития, в которой находились и летопись и эпос в XV в., от их взаимоотношения в XI в. В XI в. не было устоявшейся формы летописания: фольклор и воздействовал на нее в этой, наименее устойчивой ее части. В XV в. форма летописи устоялась; устоялась как вполне отличная, своеобразная, возможно стиховая, и форма эпоса, которая, следовательно, не могла воздействовать на чуждую ей, глубоко отличную летописную форму. С другой стороны, в XV в. эпос формировался под влиянием тех же объединительных идей, которые были движущей силой всей русской жизни XV—XVI вв.

¹ Один из признаков начавшейся в XI в. циклизации вокруг Владимира I Святославича видим в сказании о кожемяке, где основание города Переяславля Южного перенесено во Владимирово княжение (на самом деле Переяславль Южный упоминается еще в договоре с греками 911 г.).

Любопытна также и другая черта в этом использовании фольклора в летописи. В XI в. эпические предания были в большинстве случаев приурочены к определенным местностям: к урочищам, рвам, могилам и т. д. Эта местная приуроченность еще ощущается в „описании“ Тверского сборника, где Александр Попович выступает как местный герой и где есть ссылки на насыпи, могилы и т. д. В последующих этапах развития эпоса об Александре Поповиче этих ссылок уже нет: местные воспоминания превратились в общерусский эпос. И любопытно, что летопись XV—XVI вв. почти не обращается к „свидетельству“ местных памятников, как она постоянно обращалась к ним в XI в.

Вхождение фольклора в летопись совершается тем легче, чем ближе описываемые в летописи исторические факты к повествованию исторического предания или песни. С этой точки зрения нельзя не обратить внимания на то, что древнейшие предания об Александре Поповиче ставят его в исторически точную ситуацию (князь Константин Всеволодович и его враги, князь Мстислав Романович Храбрый, Липицкая битва, точная местная приуроченность отдельных событий и т. д.). Поэтому-то этот древнейший этап сказаний об Александре Поповиче отразился в летописи гораздо ярче, чем позднейший, где действие более обобщено, рассказано суммарно и где не точно различаются даже события княжения Владимира Всеволодовича от событий времени Владимира Святославича.

Но самым знаменательным фактом является в значительной мере общая судьба в XV—XVI вв. некоторых „устных летописей“ (былин) и летописей письменных: и те и другие из местных становятся общерусскими, объединяются в общерусские циклы и своды, опираясь на наследие Киева (в летописи на основе „Повести временных лет“). Реальное основание этой общей судьбы некоторых памятников устного эпоса и летописи в XV—XVI вв. — объединение в единое общерусское централизованное государство местных русских княжеств. Эпос отражает реально совершающиеся исторические процессы не в частных „исторических реминисценциях“, но в общем своем движении от узкоместного к общерусскому.

Что же касается до вопроса о том, какое историческое лицо явилось прототипом для былинного Александра Поповича, то старшие летописи не дают никаких оснований для ответа на этот вопрос. Поздние летописи включают рассказы об Александре Поповиче, почерпнутые из былин, а не из действительности, и отражают лишь важные для нас факты истории сюжетосложения былин об Александре Поповиче.